

ПРОТОИЕРЕИ
АЛЕКСАНДР
МЕНЬ

Собрание
сочинений

Том 6

Издательство Московской Патриархии
Русской Православной Церкви
Москва 2018

ПРОТОИЕРЕИ
АЛЕКСАНДР
МЕНЬ

Серия
«В поисках Пути, Истины и Жизни»

Вестники Царства Божия
Библейские пророки от Амоса до Реставрации
(VIII–IV вв. до н. э.)

Книга V

Издательство Московской Патриархии
Русской Православной Церкви
Москва 2018

УДК 252
ББК 86-372
М51

По благословию Патриарха Московского и всея Руси
КИРИЛЛА

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках реализации Федеральной целевой программы
«Культура России (2012-2018 годы)»

Издание осуществлено при содействии
Гуманитарно-благотворительного фонда
имени Александра Меня

Мень А., протоиерей

М51 Собрание сочинений. Т. 6: Серия «В поисках Пути, Истины и Жизни». Кн. 5. Вестники Царства Божия. – М.: Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2018. – 544 с.: ил.

ISBN 978-5-88017-471-3 (общ.)
ISBN 978-5-88017-673-1

Шестая книга из серии «В поисках Пути, Истины и Жизни» посвящена книгам библейских пророков, которых автор называет «вестниками Царства Божия». В ней раскрывается сущность пророческого служения и его место в религиозной истории, излагается библейское учение о Спасении, повествуется о многовековой борьбе против язычества и суеверного магизма, ханжества и обрядоверия. Ветхозаветные учителя древности постигли глубочайшую связь человека с Богом, единение с Которым не только приносит свет в мир, но и рождает потребность в деятельном добре. А некоторым из них открылась тайна Творца, страждущего за мир, чудо жертвенной Божественной Любви.

УДК 252
ББК 86–372

ISBN 978-5-88017-471-3 (общ.)
ISBN 978-5-88017-673-1

© Издательство Московской Патриархии
Русской Православной Церкви, 2018
© Мень Александр Вольфович, прот., 2018

ПОПЕЧИТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

Мень Михаил Александрович (председатель совета), министр строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации

Сеславинский Михаил Вадимович, руководитель Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

Григорьев Владимир Викторович, заместитель руководителя Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

Биллингтон Джеймс, доктор, директор Библиотеки Конгресса США

Аман Ив, профессор факультета славистики Парижского университета Нантер (Франция)

Занусси Кишишоф, кинорежиссер, сценарист и продюсер (Польша)

Парравичини Джованна, атташе по культуре посольства Ватикана в России, сотрудник фонда «Христианская Россия» (Серриате, Италия)

Лукин Владимир Петрович, доктор исторических наук, профессор

Федотов Михаил Александрович, советник Президента Российской Федерации, председатель Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека

Архангельский Александр Николаевич, литературовед, литературный критик, публицист, телеведущий, писатель

Мироненко Сергей Владимирович, директор Государственного архива Российской Федерации, доктор исторических наук, профессор

Эрнст-Йорг фон Штудниц, доктор, Почетный председатель Германо-Российского форума (Германия)

Кублановский Юрий Михайлович, поэт, публицист, критик, искусствовед

Введение

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель редакционного совета – *митрополит Калужский и Боровский Климент*, председатель Издательского совета Русской Православной Церкви

Заместитель председателя редакционного совета – *епископ Балашихинский Николай*, главный редактор Издательства Московской Патриархии Русской Православной Церкви

Члены редакционного совета:

Протоиерей *Александр Борисов*, настоятель храма свв. бессребреников Космы и Дамиана в Шубине г. Москвы

Протоиерей *Виктор Григоренко*, настоятель Сергиевского храма в Сергиевом Посаде

Беглов Алексей Львович, историк, преподаватель

Ерёмин Андрей Алексеевич, писатель, публицист

Лапшин Игорь Владимирович, руководитель международного отдела Издательства Московской Патриархии (*секретарь редакционного совета*)

Полищук Евгений Семенович, заместитель главного редактора Издательства Московской Патриархии, ответственный секретарь редколлегии сборника «Богословские труды»

Рашковский Евгений Борисович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы им. М. И. Рудомино и Института мировой экономики и международных отношений РАН

Сорокин Андрей Константинович, генеральный директор издательства «Российская политическая энциклопедия»

*Те много ошибаются, кто пророчества Св. Писания
почитает простыми предсказаниями,
предвещанием будущего, и ничем больше.
В них заключается учение,
учение, относящееся ко всем временам.*

П. Я. Чаадаев

Книги пророков составляют в Ветхом Завете лишь около четверти всего текста; по содержанию же им принадлежит центральное место в дохристианской части Библии. Тем не менее нужно признать, что довольно часто они оказывались несправедливо отодвинутыми на задний план в сравнении с другими разделами Св. Писания. Пророки представляли наибольшие трудности для толкователей Библии, и поэтому во многих изложениях Ветхого Завета они изображались вереницей бледных, безликих фигур, единственным назначением которых было предсказать пришествие Мессии. Патриархам и царям, как правило, уделялось гораздо больше внимания.

Спора нет, образы этих библейских героев обрисованы в Писании с изумительной жизненностью, сказания о них полны глубокого смысла и драматизма, но все же их история в значительной степени есть лишь прелюдия к проповеди великих пророков. Патриархи и вожди, священники и цари древнего Израиля были той человеческой средой, в которой сверкнули первые лучи Откровения, проникшие через толщу суеверий, варварских нравов и грубых представлений о Боге. Один лишь Моисей, загадочный и в сущности непонятый, вышает подобно гиганту в сумраке ранней ветхозаветной истории. Он был подлинным посланцем Божиим, пророком,

которому не было равного после него (Втор. 34, 10), *началом по отношению к другим пророкам* (Исх. 7, 1; Чис. 11, 17–25). Его учение раскрылось во всей полноте лишь в классическом *профетизме*, начиная с Амоса, первого пророка-писателя.

Под «пророком» обычно разумеют предсказателя будущего; между тем в Библии против этого узкого понимания профетизма свидетельствует уже сам термин *НАВИ́* (пророк). Он, по-видимому, происходит от аккадского слова *набу* (призывать), и, очевидно, НАВИ нужно переводить как «призванный» (Богом). В то же время греческое слово *профетес* буквально означает того, кто говорит нечто от лица другого, а в Ветхом Завете есть прямые указания на то, что «пророк» — это посланник, или вестник¹.

Дар предвидения, которым, несомненно, обладали пророки, не имел самодовлеющего значения; он прежде всего служил подтверждением того, что они воистину были посланы Богом.

Для христианского сознания наиболее драгоценным в предвидении пророков является их слово о грядущем Царстве Божиим и его Главе — Мессии. «Они свидетельствуют о Мне» — эти слова Христа относятся к боговдохновенным мужам Ветхого Завета. Редко в мир являлись люди, в такой степени, как они, устремленные к грядущему; их провидческому взору дано было преодолеть преграду времени, и образ Помазанника Господня становился для них живым, почти осязаемым. Это было столь очевидным, что евангелисты искали у пророков подтверждения почти всего, что происходило в земной жизни Иисуса.

И однако неверно считать, что духовное значение пророков сводилось лишь к *предсказанию* явления Христа. Будь это так — в новозаветное время они оказались бы принадлежащими только прошлому. На самом же деле пророки в первую очередь были *предтечами* евангельского Откровения; пролагая путь Богочеловеку, они возвещали высокое религиозное учение, которое хотя и несравнимо с полнотой Евангелия, тем не менее остается жизненным даже в наши дни.

Пророки и поныне являются для нас провозвестниками Истины. Они постоянные спутники человечества; их голос звучит всюду, где люди чтут Библию; их лики смотрят с плафона Сикстинской капеллы и со стен древнерусских соборов, их слова перелагают поэты, ими вдохновляются музыканты, а в тревожный век мировых войн призывы и предостережения пророков звучат так, будто они произнесены сегодня. Но главное значение их не в этом. Они дороги нам как учителя веры и жизни. Псалмы, гимны и пророчества, в которых эти великие боговидцы выразили свой внутренний опыт, вот уже более двадцати пяти веков находят живой отклик в каждом религиозном сердце.

* * *

Пророки жили в эпоху духовного пробуждения человечества, которую Ясперс удачно назвал «осевым временем»². Именно тогда почти во всем мире возникали движения, окончательно определившие облик дохристианского религиозного сознания. Авторы Упанишад и Бхагавад-Гиты, Будда и Лао-цзы, орфики и пифагорейцы, Гераклит и Сократ, Платон и Аристотель, Конфуций и Заратустра — все эти учителя человечества были современниками пророков, и в известном смысле профетическое движение явилось составной частью общего стремления людей найти новое мирозерцание, обрести высший смысл жизни.

Многим мировым учителям был присущ великий религиозный дар, позволявший им прикоснуться к Божественным тайнам. И все же в этой семье духовных вождей пророки стоят особняком.

Прежде всего, мы нигде не встречаем такого ясно выраженного *единобожия*, которое сочетается с признанием реальности тварного мира. «Беспримерно высокий и чистый еврейский монотеизм, — справедливо утверждал Тареев, — есть преимущественный результат пророческой проповеди»³.

Правда, на первый взгляд учение пророков в этом отношении не кажется исключением: мыслители Египта, Индии, Китая и Греции тоже сумели возвыситься над политеизмом и прийти к вере в единое верховное Начало. В таких понятиях, как Атон, Апейрон, Нус, Брахман, Нирвана, несомненно, есть нечто общее: все они — иероглифы для обозначения высшей сокровенной Реальности. Созерцание индийцев и мысль эллинов далеко продвинулись в поисках этой Реальности. Они преодолели корыстно-магический соблазн древних верований, а жизненные идеалы из мира внешнего перенесли в область Духа.

Однако все учения о Божественной Сущности принимали формы, не позволяющие признать их подлинным монотеизмом. Религия Эхнатона носила черты поклонения природе и была связана со зримым светилом — солнцем; у античных натурфилософов Божество представлялось неотделимым от космических стихий; в Упанишадах исповедовался крайний монизм, и Брахман оказывался безликим Нечто; Будда сознательно противопоставлял свое учение о Нирване любому виду теизма, а Бхагавад-Гита, делая ударение на множественности обликов Божества, открывала двери язычеству. Даже такие мыслители, как Платон и Аристотель, говорившие о едином Боге, верили в существование второстепенных божеств и признавали необходимость их культа. Кроме того, рядом с Богом они ставили вечную Материю. Наиболее близка к Библии религия Заратустры, но абсолютизация в ней злого начала делает ее своеобразным «двоебожием».

Таким образом, в дохристианском мире лишь одна ветхозаветная религия была свободна как от язычества, так и от пантеизма, от смешения Бога с природой.

Не странно ли это? Как могло учение, родившееся в бедной и незначительной стране, оказаться столь самобытным, возвыситься над религиозными и философскими достижениями великих цивилизаций? Где найти разрешение этой исторической загадки?

Напрасно было бы искать ответ на этот вопрос в возможности иноземных влияний. Будь пророки по времени последними из мировых учителей, можно было бы еще предположить, что, пойдя по пути предшественников, они сумели превзойти их; но в том-то все и дело, что движение пророков началось за два века до возникновения и греческой философии, и буддизма, и зороастризма.

Не проясняет дело и ссылка на личный гений. Ее можно было бы принять, если бы речь шла об одном человеке. (Так, справедливо утверждение, что без Будды не было бы буддизма, а без Платона — платонизма.) Но в случае пророков перед нами целая плеяда проповедников, сменяющих друг друга на протяжении трех столетий.

И наконец, если вспомнить, что учение пророков стояло в оппозиции к религиозному укладу своего времени и страны, то необходимо будет признать, что тайна профетизма вообще неразрешима в плоскости чисто исторической. Можно научными методами определить даты жизни пророков, восстановить по памятникам окружавшую их историческую среду, исследовать тексты их книг в плане литературном и филологическом, найти у них точки соприкосновения с другими реформаторами или проследить их связь с социально-экономическими процессами той эпохи, но всего этого будет недостаточно для проникновения в сущность профетизма.

Когда мы обращаемся к Библии во всем ее духовном своеобразии, нужны иные критерии и подходы.

Первое, что бросается в глаза при чтении книг пророков, — это их ни с чем не сравнимая уверенность в подлинности дарованного им Откровения. Это отличает библейских провидцев от большинства искателей истины всех времен.

Философы, размышлявшие о Начале всего, стояли как бы перед глухой стеной, простукивая ее и прислушиваясь к звуку; они обменивались догадками, спорили, строили предположения. «Трудно познать Отца всяческих», — говорил Платон, а поэт Риг-Веды спрашивал:

Кто поистине знает, кто теперь бы поведал,
Откуда возникло мирозданье?

Мистики же, хотя и ощущали полную достоверность своего знания, не верили, что богопознание возможно по эту сторону бытия. Так, для брахманов приблизиться к Божеству означало войти в Него, оставив за порогом не только весь мир, но и самих себя. «Если прекращаются пять знаний вместе с мыслью, если бездействует рассудок, то это, говорят, высшее состояние», — читаем мы в Катха-Упанишаде.

Но при всем том, сознавая неисчислимы трудности на пути к богопознанию, большинство мудрецов считали его принципиально возможным. Философы представляли себе Божество *умопостижимым*, а созерцатели — мистически *достижимым*.

Пророки же, напротив, отрицали возможность постигнуть Бога разумом или достигнуть Его путем экстатического восхождения. Суший, *ЯХВЕ*, был для них пламенеющей бездной, ослепительным солнцем, сияющим превыше постижения и достигаемости⁴. Они не поднимали глаз на это солнце, но его лучи пронизывали их и озаряли окружающий мир. Их не покидало чувство, что они живут в присутствии Вечного, находясь как бы в Его «поле», и это было названо ими *ДААТ ЭЛОХИМ* — богопознанием. Такое «знание» не имело ничего общего с философскими спекуляциями и отвлеченными умопостроениями. Сам глагол *ЛА-ДААТ* (знать) имеет в Библии смысл обладания, глубокой близости, и поэтому *ДААТ ЭЛОХИМ* означает приближение к Богу через любовь к Нему.

В философии и пантеистической мистике мы чаще всего находим не любовь, а скорее благоговейное восхищение перед величием мирового Духа. И порой в этом преклонении невольно ощущается привкус какой-то печали, рождаемой неразделенным чувством. Божественное — как холодное море, воду которого можно исследовать и в волны которого можно погрузиться, но само оно извечно шумит, полное своей, чуждой человеку жизнью; так и Сущее пребывает холодным

и далеким, не замечая усилий смертных вступить с Ним в контакт...

Чего же достигло это философское и мистическое познание Бога? Оно обозначило Его многими именами, называя абсолютной Полнотой, универсальным Первопринципом, чистой Формой; оно пыталось осмыслить связь Божества с космическими законами и движением миров.

Это постижение ощущалось великими учителями как нечто завоеванное, подобное одной из тех тайн, которые человек вырывает у природы.

Для примера возьмем хотя бы путь Будды к духовному просветлению. Этот путь был исполнен ошибок, проб, разуверений, а когда желанный покой Нирваны был обретен, мудрец глубоко проникся сознанием достигнутой победы. «Я покинул все, — говорил он, — и обрел освобождение через разрушение желаний. Самостоятельно овладевший знанием, кого бы я мог назвать учителем своим? Нет у меня учителя. Нет равного мне ни в мире людей, ни в областях богов. Я — святой в этом мире, я — высший учитель, я — единственный просветленный!» Подобное же горделивое сознание победителя можно заметить и у других учителей, пусть выраженное в менее резкой форме. Даже Сократ, заявлявший о своем «незнании», верил в то, что он в состоянии приоткрыть покров мировой тайны. Здесь проявляется естественное чувство преодоления высоты, которое мы встречаем у многих поэтов и мыслителей. Именно оно позволило Ницше рассуждать на тему «Почему я так мудр». Могут возразить, что это просто маниакальный бред величия, на самом же деле болезнь лишь обнажила то, что сокровенным образом живет в сознании творческих натур, тайно или явно утверждающих: *Exegi tonitentum* (Я памятник себе воздвиг).

У пророков нет ни сознания своей гениальности, ни чувства достигнутой победы; и это не потому, что они были лишены творческих сил, и не потому, что не испытали духовной борьбы, но потому, что знали, что их провозвестие исходит от *самого* Бога.

Пророки принадлежали к разным сословиям: среди них мы находим царедворца и певца, пастуха и священника. Зачастую и говорят они о разном: Амос и Софония — о вселенском суде, Осия — о Божественной любви, Исаяя и его ученики предрекают наступление всемирного Царства Мессии, Иеремия учит о религии духа, а Иезекииль ревнует о храмовой Общине с торжественным богослужебным ритуалом. Книги их отличаются друг от друга, как писания евангелистов, но подобно тому как в четырех Евангелиях живет единый образ Богочеловека, так и в пророческих книгах за разными аспектами проповеди ощущается *единый* образ Сущего.

«Трагическим героем, — говорил Кьеркегор, — человек может стать собственными силами, рыцарем веры — нет». Пророки стали такими «рыцарями» потому, что сама высшая Реальность открылась им так близко, как никому до них. И открылось им не безликое Начало и не холодный мировой Закон, а Бог *Живой*, встречу с Которым они пережили как встречу с Личностью.

Пророки стали Его вестниками не потому, что они смогли проникнуть в Его надзвездные чертоги, а потому, что Он Сам вложил в них Свое Слово.

В те времена, когда царский писец записывал на свитке или таблице веления своего властителя, он начинал обычно словами: «Так говорит царь». Подобное выражение мы находим почти на каждой странице пророческих книг: «*КО АМА́Р ЯХВÉ*» («Так говорит Сущий»).

Что же это должно означать? Неужели благодатное вдохновение материализовалось в звуки, в слова, которые пророк записывал под диктовку? Против такого предположения достаточно свидетельствует индивидуальный стиль библейских авторов. Голос Божий был внутренним голосом, звучавшим в той глубине духа, где, по словам Мейстера Экхарта, человек обретает Бога; и лишь после этого Откровение силами души и разума претворялось в «слово Господне», которое пророки несли людям.

Но в какие бы земные одежды ни облекалось Откровение, у пророков никогда не возникала мысль приписать себе «слово Господне». Они лучше других знали, насколько отличается этот овладевший ими мощный поток Духа от их собственных чувств и мыслей. То, что они возвещали, нередко превосходило не только уровень их аудитории, но и уровень их *собственного* религиозного сознания.

Известный католический исследователь Библии Джон Маккензи, давший тонкий анализ психологии профетизма, подчеркивал, что именно в этом ощущении «иного» обнаруживается водораздел между библейским Откровением и естественным озарением творческой личности⁵. И действительно, высшее постижение индийской мистики, выраженное в формуле *mat tвам аси* («Ты — это Он»), воспринимается как полное слияние и отождествление с Божественным. Между тем пророки даже тогда, когда говорили прямо от лица Яхве, ни на минуту не забывали, что они лишь проповедники высшей воли. Они не восходили к Богу, а Он Сам властно вторгался в их жизнь. Это был Тот всепревозмогающий Свет, который остановил апостола Павла на дороге в Дамаск.

Лев зарычит — кто не содрогнется?
Владыка Яхве говорит — кто не станет
пророчествовать?

Ам. 3. 8

Но если так, то не становится ли вестник Божий лишь пассивным медиумом без воли и сознания? Ведь потеря ощущения своей личности столь свойственна для мистических состояний. Брахманы, Будда, Платон были даже охвачены жаждой освободиться от бремени своего «я». Однако, обращаясь к Библии, мы, вопреки ожиданию, видим, что пророки насколько не походили на исступленных пифий, или сомнамбул: в моменты высочайшего мистического напряжения самосознание в них не угасало. На это обратили внимание уже первые толкователи пророков блж. Иероним и св. Иоанн Златоуст⁶.

Иной раз пророк, уstraшенный трудностью подвига, даже противился небесному зову, но автоматом он никогда не был и всегда оставался человеком. Именно поэтому он мог в конечном счете стать свободным *соучастником* Божиих замыслов. Он следовал призыву во имя верности Богу и любви к Нему.

Кого пошлю Я? Кто пойдет? – вопрошает Господь.

И пророк Исайя отвечает:

Вот я. Пошли меня...

Ис. 6, 8

Это – не блаженная прострация *самадхи* и не *турия* – сон без сновидений, а подлинная «встреча лицом к лицу». При всей непостижимой близости Бога и человека они не исчезают «друг в друге», а остаются участниками мистического диалога.

Так возникает чудо *двуединого сознания пророка*, не имеющее аналогий в религиозной истории. В их лице дохристианский мир был вознесен к последней черте, за которой открывается Богочеловечество. В этом смысле каждый пророк был живым прообразом Христа, «нераздельно и неслиянно» соединившего в себе Бога и человека.

Неповторимый опыт пророков породил и единственный в своем роде ответ на вопрос об отношении Бога к миру. Правда, этот ответ не сформулирован как метафизическое учение; в этом смысле книги пророков разочаруют тех, кто стал бы искать в них философской системы. На многие вопросы они не дали ответа и не стремились к этому. Их вера, рожденная Откровением, была базальной основой, на которой уже впоследствии могли возникать пласты богословия, метафизики и внешних форм религиозной жизни.

В противоположность известным на Востоке и на Западе учениям, пророки не считали, что Вселенная образована из предвечной Материи или же что она есть эманация, излияние Божества. По их учению, мир получил бытие силою творческого Слова Яхве; даже имя Божие (связанное с глаголом *ХАЙИА* – «быть»), вероятно, может означать «Дарующий

бытие», «Творец». Разумное, творческое существо, человек представляет собой как бы вершину мироздания, но он – не «осколок Абсолюта», а «образ и подобие» Создателя. Как художник любит свое творение, как мать – свое дитя, так и Бог связан живыми узами с человеком и миром. Он хочет возвысить их до Себя, приобщить к своей совершенной полноте. Это делает их существование исполненным смысла и цели. Именно это ощущение смысла бытия отсутствует в большинстве философских систем древности.

Для Платона видимый мир – тень, для индийской мистики – призрачная Майя. Возникновение мира, согласно Упанишадям, есть нечто подобное произвольному извержению. «Как паук выпускает из себя и вбирает в себя паутину, как растения возникают из земли, как волосы возникают на голове человека, так из Непреходящего возникает все в этом мире»⁷. Это излияние из недр Вечного сменяется поглощением для того, чтобы снова разрешиться эманацией. Представление о вечном возврате подтверждалось цикличностью процессов, совершающихся в природе. Вавилоняне и египтяне, греки и индийцы мыслили мир как нечто вращающееся по исполинскому замкнутому кругу или множеству кругов, и этот бесконечный, бесцельный круговорот окрашивал пессимизмом мирозерцание дохристианского человека⁸.

Библия, в отличие от всех «языческих» концепций Вселенной, проникнута мыслью о *незавершенности* мира, который представляет собой «открытую систему»: его движение не круговое, а восходящее. Пророки первыми увидели несущееся вперед время, им открылась динамика *становления* твари. Земные события не были для них лишь пеной или скоплением случайностей, но *историей* в самом высоком смысле этого слова. В ней они видели исполненную мук и разрывов драму свободы, борьбу Сущего за свое творение, изживание демонического богоборчества. Конечная цель истории – полное торжество Божественного добра. Первоначально пророки усматривали эту победу в устранении всяческой неправды

Часть 1

До изгнания

Победа, ставшая поражением Северное Израильское царство, 850–760 гг. до н. э.

*Библия – это книга народов, ибо
она судьбу одного народа делает
символом всех остальных.*

Гёте

Человека, читающего Библию, невольно поражает то резкое осуждение, с каким она говорит о царях Израиля. Особенно ярко это проявляется в главах, посвященных монархам Северного царства. Если античные писатели, такие, как Тацит или Светоний, описывая жестокости и безумства римских императоров, подробно повествуют и о светлых сторонах их правления, то библейские авторы как бы намеренно делают упор на ошибках, слабостях и преступлениях царской власти. Когда речь заходит о победах и успехах царей, Библия касается этого вскользь, торопливо, отсылая читателей к летописям.

Чем объяснить такое отношение пророков, мудрецов и историков Ветхого Завета к «помазанникам»? И почему это отношение осталось господствующим в священной письменности?

Причина здесь, разумеется, не в том, будто израильские цари были самыми негодными из всех монархов мира, и даже не в том, что религиозные вожди вообще относились